

Litera

Правильная ссылка на статью:

Царегородцева С.С., Пинаев С.М. — В крушениях царств, в самосожжениях зла ... (за страницами книги Максимилиана Волошина "Демоны глухонемые") // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.38354
EDN: EQWVOD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38354

В крушениях царств, в самосожжениях зла ... (за страницами книги Максимилиана Волошина "Демоны глухонемые")

Царегородцева Светлана Сергеевна

ORCID: 0000-0002-2510-2324

кандидат филологических наук

доцент кафедры истории журналистики и литературы, Московский университет им. А.С. Грибоедова.

111024, Россия, Московская область, г. Москва, шоссе Энтузиастов, 21

✉ alatas@mail.ru

Пинаев Сергей Михайлович

ORCID: 0000-0001-7064-7510

доктор филологических наук

профессор, кафедра русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов
125009, Россия, Московская область, г. Москва, пер. Большой Кисловский, 5-7, строение 2, кв. 18

✉ serpinaev@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.38354

EDN:

EQWVOD

Дата направления статьи в редакцию:

29-06-2022

Аннотация: Цель данного исследования заключается в выявлении историософских основ книги Максимилиана Волошина «Демоны глухонемые». В статье рассмотрена историческая концепция М. Волошина, который пытается через оценку прошлого России, подвести читателя к драматическим событиям современности и предсказать будущее. Волошин, делая упор на революционные события России и Франции, пишет книгу-трагедию, которая вышла в январе 1919 г. Основная гипотеза заключается в том, что

«Демоны глухонемые» занимает особенное место в творческой биографии поэта, при этом надо иметь в виду несколько важных моментов. Это последний сборник Волошина, выпущенный при его жизни в России, подготовленный самим автором (с рисунками автора). К нему органично примыкают стихотворения, написанные 1919 году: «Неопалимая купина», «Русская революция», «Китеж», «Гражданская война». Стихотворения, драматически переводящие историю в современность и приоткрывающие будущее. Книга "Демоны глухонемые" включает в себя произведения, написанные в разное время и относящиеся к разным историческим эпохам. Однако Волошин обладал способностью ощущать течение истории, «вливающейся в «сегодня», воспринимать историю в её единовременном виде. Момент истории для него – вся история, так же как время – это всё время. Подобное ощущение было свойственно поэту на протяжении всего творческого пути. Смута, Восстание Стеньки Разина, Петровская эпоха, Термидор во Франции, революция в России всё это сосуществует для него как бы в едином временном кадре. Одно воспринимается через другое. В работе предложен новаторский подход к изучению последнего прижизненного сборника М. Волошина в контексте литературных связей; предложен путь рассмотрения рецепции творчества в единстве историко-культурных и биографических контекстов, что представляет собой органичное сочетание историко-культурного, биографического и компаративного методов, составляющих основу классической филологической науки.

Ключевые слова:

историософия, славянофильство, христианский анархизм, раскол, временной кадр, лихолетье, усобица, реминисценция, ассоциация, смысловая инверсия

«Демоны глухонемые» - глубоко личная книга, это «авторская исповедь» поэта. Волошин чувствовал свою глубинную причастность «тёмной, пьяной, окаянной», но всегда святой Руси, породившей Стеньку Разина и Лжедмитрия, а в вершителях судеб новой России видел их неотвратимых наследников. «...И опять приду – чрез триста лет...» - оповещает своих потомков «мёртвый, но единый» Дмитрий-Император. «...Три угодника – с Гришкой Отрепьевым / Да с Емелькой придём Пугачом», - поддерживает его Стенька Разин. И уже сам поэт, вкусив от «мук казнённых поколений», констатирует в духе Апокалипсиса:

Анафем церкви одолев оковы,

Повоскресали из гробов

Мазепы, Разины и Пугачёвы –

Страшилища иных веков...

(«Китеж», 1919)

«Демоны глухонемые» - историософская книга, обобщающая исторические пути России, подводящая читателя к драматическим событиям современности, подводящая, но не охватывающая их. Картины кровавой бойни последнего года Гражданской войны в неё не вошли. При этом Волошин сделал упор на «революционные отсветы разных веков и широт», главным образом, русские и французские. Он, безусловно, создавал книгу-трагедию (если есть роман-трагедия, то трагедией может быть и книга стихов). Лирические герои подбирались соответствующие: Стенька Разин, Лжедмитрий, протопоп Аввакум... И эпохи, и события – актуальны в свете заданной темы: Смутное время,

Раскол, французская революция, «предвестия» российской катастрофы, революционная Москва, Петроградская бесовщина, Брестский мир... И всё это сквозь призму тютчевского образа, вынесенного в заглавие книги. Весной 1919 года Волошин рассчитывал переиздать сборник в Одессе, заключив договор с издателем Е.И. Рузером, однако с этой затеей ничего не вышло.

Вообще же стихи Волошина о революции и Гражданской войне ходили по рукам и «списывались тайно и украдкой». Поэт объединил их в так и не изданную книгу «Неопалимая купина». Трагизм усобицы будет запечатлён в «Стихах о терроре», которые выйдут в Берлине, в февральском номере «Новой русской книги» за 1923 год. Отдельно эта книга вышла в «Книгоиздательстве писателей» тиражом 2500 экземпляров. Там же, в Берлине, в «Книгоиздательстве писателей», в сентябре того же года, осуществилось и переиздание «Демонов глухонемых». Правда, сам Волошин будет, по понятным соображениям, отказываться от этих изданий, подчёркивая, что стихи за границей печатаются без его ведома, лицами, ему не известными. Без ведома поэта вышел в 1923 году и сборник «Усобица». Он был выпущен во Львове издательством «Живое слово». По-видимому, Волошин так и не узнал о его существовании.

Таким образом, книга «Демоны глухонемые» оставляет ощущение незавершённости. Она как бы открыта в будущее. Делается историософский прогноз: «России нет – она себя сожгла, / Но Славия воссветится из пепла» («Ангел времён»). Выражается основной нравственный пафос: извлечь из мозгов и сердец «занозу» ненависти, «заклясть» «каждый курок и руку».

Книга состоит из трёх разделов: «Ангел Мщенья», «Пламенники Парижа», «Пути России» с примыкающей поэмой «Протопоп Аввакум». Она включает в себя 25 стихотворений и одну поэму. Название книги восходит к образному словосочетанию из стихотворения Тютчева «Ночное небо так угрюмо...», а также – к цитате из книги пророка Исаии (42, 19): «Кто так слеп, как раб мой? И глух как вестник мой мною посланный?» «Смысл "Демонов глухонемых" Вы поняли вполне, - писал Волошин А.М. Петровой 15/19. 1. 1918 г. – Тут не только русские бесы, но демоны истории, перекликающиеся поверх формальной ткани событий» [1, с. 46]. В числе русских демонов истории поэт выделяет, прежде всего, «Дмитрия-Императора». Это некий демонический синтез, совокупное единство, «распылённое между тысячами бесов». В Стеньке Разине, по мнению Волошина, «больше бесовщины, чем демонизма. Он, как и Ермак, реальное историческое лицо, растворившееся в массах, «народный эпос в действии».

Любопытна волошинская оценка Аввакума. Мученик Раскола ассоциируется у него с Бакуниным. Сближает их «христианский анархизм». Поэт противопоставляет историческое христианство христианству «чистому, с церковью, иерархически связанному с ангельскими иерархиями». Соединение их возможно лишь в ту эпоху, «когда личность Христа начнёт манифестироваться на эфирном уровне». В славянстве, считает Волошин, в отличие от Запада, «христианство имеет тенденцию переноситься целиком в индивидуальное чувство и противопоставлять себя государству, как царству зверя. Поэтому в народовольцах и террористах не меньше христианства, чем в мучениках первых веков, несмотря на их атеизм» [1, с. 47].

Комментируя в более раннем письме (30. XII. 1917) название книги, восходящее к стихотворению Тютчева «Ночное небо так угрюмо...» (1865), Волошин пояснял, что демон – «не непременно бес – это среднее между богом и человеком: в этом смысле ангелы – демоны и олимпийские боги – тоже демоны. В земной манифестации демон может быть как человеком, так и явлением. И в той, и в другой форме глухонемота является

неизбежным признаком посланничества, как Вы видите по эпиграфу из Исаяи. Они ведь только уста, через которые вещает Святой Дух...» [\[2, с. 775-776\]](#). Демон, согласно волошинскому пониманию, не обязательно заключает в себе нечто злое. В любом случае он (или оно, явление) – лишь проводник высших сил, высшей воли, концентрирующейся в своей земной форме. Как и в греческой мифологии, это «мгновенно возникающая и мгновенно уходящая... роковая сила, которую нельзя назвать по имени, с которой нельзя вступить ни в какое общение...» [\[3, с. 366\]](#).

Предтечу российского лихолетья Волошин усматривает в деяниях одного из главных демонов русской истории – Петра I. Если же говорить о временах ближайших, то здесь в качестве своеобразной прамбулы исторической катастрофы выделяются события 1905 года. Не случайно книгу Волошина (её первый раздел) открывает стихотворение с характерным названием «Предвестия» (1905г.).

Первый раздел книги является, по сути, ретроспективным. Он представляет собой своеобразные ступени на пути развития революционных событий, начиная с первой русской революции 1905-1906 гг. Мы знаем, что поэт стал свидетелем последствий расстрела мирного шествия 9 января 1905г. По приезде в Петербург Волошин был поражён: кругом волнения, войска, а вот уже – и тела убитых «на извозчиках». Он никогда такого не видел: мёртвые мужчины, женщины, нарядно одетая девочка... Выяснилось: везут убитых с Троицкого моста. Однако и в других местах поэт сталкивался с трупами. Попадались солдатские патрули, горели газетные киоски, мчалась конная пожарная команда. Кое-где был слышен свист пуль. Он побывал в редакции газеты «Русь», послушал очевидцев. Кругом говорили: «Шли с крестным ходом и с портретом государя. Пели "Спаси, Господи, люди Твоя". В них дали залп у Троицкого моста». «Им бы японцев бить надо, а они здесь народ калечат». «В иконы пулями стреляли». Всё увиденное и услышанное Волошин заносил в дневник. Кто-то сказал, что убито девять грудных детей. Ночью напряжение не спадало: какие-то шаги, голоса («точно весь воздух полон голосами, звучащими во чреве времени»), иногда – выстрелы. Во всём этом было нечто жутко-мистическое, ненастоящее... На следующий день беспорядки продолжались. Волошин своими глазами видел «атаку казаков» на толпу.

Свои впечатления от этого жуткого зрелища художник изложил в статье «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге. Рассказ очевидца», написанной на французском языке. Больше всего его потрясло то, что стреляли по безоружным людям, женщинам и детям, по иконам. «Кровавая неделя в Петербурге не была ни революцией, ни днём революции... Эти дни были лишь мистическим прологом народной трагедии, которая ещё не началась, пророчески провозглашает поэт в своём очерке, опубликованном в одном из февральских номеров газеты «Европейский курьер». – Зритель, тише! Занавес поднимается...» [\[4, с. 498\]](#). Теперь-то уж, после того, как окончательно скомпрометирована идея «самодержавие, православие, народность», полагал Волошин, предотвратить грозные события вряд ли удастся.

Тема исторического возмездия, народного возмущения овладевает творческим воображением поэта. По горячим следам он пишет стихотворение «Предвестия», а в следующем году – «Ангел Мщенья» и «Голова Madame de Lamballe» (первоначальное название: «Голова princesse de Lamballe»). Посылая это стихотворение 3/16 марта 1906 г. М.В. Сабашниковой, Волошин признавался: «Мне было почти отвратительно писать это стихотворение. Но я не мог не написать его. Это мне не давало покоя. И мне оно кажется хорошо в своём ужасе. Как какая-то тяжесть упала с плеч» [\[5, с. 81\]](#).

В стихотворении «Ангел Мщенья» поэт поднимается до историко-философских обобщений. Он говорит как бы от лица Ангела Возмездия, Демона Революции, который вопия о попранной справедливости, будоража сознание людей, стимулирует инстинкты разрушения, провоцирует на агрессивные действия. Разумеется, во имя «гуманизма».

Народу русскому: Я скорбный Ангел Мщенья!

Я в раны чёрные – в распаханную новь

Кидаю семена. Прошли века терпенья.

И голос мой – набат. Хоругвь моя, как кровь.

На буйных очагах народного витийства

Как призраки взращу багряные цветы.

Я в сердце девушки вложу восторг убийства

И в душу детскую – кровавые мечты.

Объект мщения – оно и понятно – выглядит в стихотворении чрезвычайно неопределённо, расплывчато:

Меч Справедливости – карающий и мстящий –

Отдам во власть толпе... И он в руках слепца

Сверкнёт стремительный, как молния, разящий.

Им сын заколет мать, им дочь убьёт отца.

Уже здесь предвидение разгула демонических, с точки зрения Волошина, сил Гражданской войны, разрывающей семьи, утверждение «правды» палача и жертвы, виновного и наказующего. Каждый, считает поэт, воспринимает свободу и справедливость по-своему, и каждый ощущает своё понимание единственно верным и нравственным («Устами каждого воскликну я "Свобода!" / Но разный смысл для каждого придам»). Поэтому, пишет он в статье «Пророки и мстители» (1906), идея справедливости – самая жестокая и цепкая из всех идей, овладевавших когда-либо человеческим умом. Когда она вселяется в сердца и мутит взгляд человека, то люди начинают убивать друг друга... Она несёт с собой моральное безумие, и Брут, приказавший казнить своих сыновей, верит в то, что он совершает подвиг добродетели. Кризисы идеи справедливости называются «великими революциями» [\[6, с. 193\]](#).

Не сеятель сберёт колючий колос сева,

Принявший меч погибнет от меча.

Кто раз испил хмельной отравы гнева,

Тот станет палачом иль жертвой палача.

Поэт ощущает дыхание первой русской революции и придаёт надвигающимся событиям мистико-символический характер, наполняя свои стихи многочисленными библейскими образами и реминисценциями. Показательна заключительная строфа стихотворения «Ангел Мщенья». Слова Иисуса Христа, обращённые к одному из учеников: «...возврати меч свой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут, (Мф. 26, 52), а также

образ чаши с вином ярости, напоившим и сделавшим безумными народы (Книга пророка Иеремии, 25, 15-16), приобретут в творчестве Волошина концентрированный, символический смысл.

Воистину сама природа позаботилась о том, чтобы наполнить происходящее мистическим содержанием. На затянувшемся белесоватую мглой небе мутно-красное солнце давало в тумане два отражения. И казалось, что на небе три солнца. Это подметила журналистка, издатель Л. Я. Гуревич. Три солнца были замечены и Волошиным, который в статье о кровавом воскресенье дал этому естественно-научное объяснение: «...явление, которое происходит во время сильных морозов», правда, оговорившись, что, по народным преданиям, оно «служит предзнаменованием больших народных бедствий» [\[4, с.494\]](#). Пасолнцы, побочные солнца, засветились над Русью и в период царствования Лжедмитрия («Dmetrius Imperator», 1917), ознаменовавшего «над Москвой полетые лютых бед». В стихотворении «Предвестия», написанном 9 января 1905 года, Волошин усугубляет тревожно-мистические настроения:

...В багряных свитках зимнего тумана

Нам солнце гневное явило лик втройне,

И каждый диск сочится, точно рана...

И выступила кровь на снежной пелене.

А ночью по пустым и гулким перекрёсткам

Струились шелесты невидимых шагов,

И город весь дрожал далёким отголоском

Во чреве времени шумящих голосов...

Так или иначе, драматические события середины первого десятилетия XX в. не прошли мимо поэта. Он пишет М.В. Сабашниковой о восстании на Черноморском флоте, о броненосце «Потёмкин», размышляет о безволии Николая II, царствованию которого двадцать лет спустя даст убийственную характеристику в поэме «Россия»:

...Так хлынула вся бестолочь России

В пустой сквозняк последнего царя;

Желвак Отцу, Ходынка и Цусима,

Филипп, Папюс, Гапонов ход, Азеф...

Знаменательно, что вместе с «Предвестиями» в газете «Русь» от 14 августа 1905 г. появляются два перевода Волошина из Верхарна – «Казнь» и «Человечество». По поводу первого из них поэт писал матери, что посвящает его Николаю. А несколько раньше, 21 июня, он открывается А.М. Петровой: «Убийство царя имеет священный и ритуальный характер... Но не убийство личное, а народная казнь» [\[7, с.208\]](#). Волошину не дают покоя мысли об обречённости царя быть принесённым в жертву «за грехи своего народа». Что ж, вполне волошинская смысловая инверсия... Поэт в эти месяцы буквально зачитывается «Историей французской революции» Ж. Мишле, проводит соответствующие параллели с российской историей. 14/27 сентября 1905г. Волошин пишет Сабашниковой: «Как это великолепно написано... В первый раз Революция так развёртывается передо

мной... Вчера я читал, как отрубленную голову маркизы де Ламбаль принесли к куаферу – он завил её, напудрил, и её... понесли на пике к окну Марии-Антуанетты ...Читал о том, как Дантон перед казнью сказал палачу, который грубо оттолкнул Фабра Эглантина (д'Эглантина, поэта, члена Конвента – С.П.), хотевшего проститься с ним: "Ничего. Мы поцелуемся в корзине..." А потом прибавил: "Ты подымешь мою голову и покажешь её народу. Она стоит этого"... Я весь полон этими событиями, но я ещё совсем не знаю, как подойти к ним, с какой стороны» [8, с. 494]. Размышления на заданную тему будут продолжаться и в 1917 году. Они найдут поэтическое выражение в стихах о французской революции «Две ступени» и «Термидор», которые с примыкающей к ним «Головой Madame de Lamballe» составят 2-й раздел книги - «Пламенники Парижа».

Что же касается русской истории, проходящей через «кручи», как сказал бы Вяч. Иванов, мировой войны и революции, то она запечатлена в стихотворениях «Россия» (1915), «Москва» (март 1917), «Петроград», «Трихины», «Мир» (Брестский), «Родина».

Итак, очередной виток истории проходит через «временной кадр» волошинского сборника в 1915г. («Россия»). Поэт и тогда, и впоследствии занимал позицию «над схваткой», чувствуя свою ответственность – мыслителя, художника, гуманиста – за происходящее и своё бессилие. В противоположность шовинистическим победным лозунгам, наводнившим литературные альманахи и публицистические сборники, он делает совершенно противоположные заявления, выражает свой патриотизм в нетрадиционных образах:

Люблю тебя в лике рабьем,

Когда в тишине полей

Причитаешь голосом бабьим

Над трупами сыновей...

Возможно, поэтические ассоциации, в какой-то мере подсказаны Волошину Тютчевым:

Удручённый ношей крестной,

Всю тебя, земля родная,

В рабском виде Царь Небесный

Исходил, благословляя.

Соотношение униженной, «поруганной» в боях России с рабским видом Христа находит у Волошина поэтическое развитие («Люблю тебя в лике рабьем»): Россия – Христос. И вторая параллель, возникающая позднее: Россия уподобляется бесноватому, которого исцелил Сын Человеческий («Русь глухонемая»). Наконец, в стихотворении «Родина» возникает смысловой синтез:

Но ты уж знаешь в просветленьи,

Что правда Славии – в смиреньи,

В непротивлении раба...

9 декабря 1917г. М.А. Волошин писал А.М. Петровой: «Знаменательно имя "славяне". Для Запада оно звучит, как имя рабов (esclavi)». Раб и славянин (sclavus) по-латыни звучат как омонимы, а воспринимаются как синонимы, «и для Германии Россия

“славянский навоз”. Но внутренний смысл Славянства, то, что оно тайно несёт в себе – это Слава, Слово: Право Славии» [2: 754]. Конечно, можно говорить о своеобразном славянофильстве Волошина, можно вспомнить о влиянии на него Р.Штайнера, который находил в славянской расе «особые силы» и видел её значительные перспективы в развитии человечества. Но, так или иначе, ни Тютчев, называвший свою родину «край родной долготерпенья», ни Волошин, писавший о «рабьем лике» России, не вкладывали в эти слова критически-уничижительный смысл. Ибо в обоих случаях подразумевался именно крест, носимый во имя Христа и мистически сливавшийся с его крестной ношей. Крест, который, по Волошину, приняла на плечи «во Христе юродивая Русь».

Всё происходящее в эти годы, отчётливо запечатлелось в памяти поэта: «Февраль 1917 года застал меня в Москве. Москва переживала петербургские события радостно и с энтузиазмом. Здесь с ещё большим увлечением и с большим правом торжествовали «бескровную революцию», как было принято выражаться в те дни» [9: 40]. Вследствие отсутствия полиции, «в Москву из окрестных деревень собралось множество слепцов, которые расположились на папертях и по ступеням Лобного места, заунывными голосами пели древнерусские стихи о Голубиной книге и об Алексее – человеке Божьем.

Торжествующая толпа с красными кокардами проходила мимо, не обращая на них никакого внимания. Но для меня, быть может подготовленного уже предыдущим, эти запевки, от которых веяло русской стариной, звучали заклятиями... красные кумачовые пятна...казались кровью... И тут внезапно и до ужаса отчётливо стало понятно, что это только начало, что Русская Революция будет долгой, безумной, кровавой, что мы стоим на пороге новой Великой Разрухи Русской земли, нового Смутного времени» [\[9, с. 42-43\]](#).

...Ни свечи не засвечены,

К обедне не звонят,

Все груди красным мечены,

И плещет красный плат.

По грязи ноги хлюпают,

Молчат... проходят... ждут...

На папертях слепцы поют

Про кровь, про казнь, про суд.

Это было озарение, растворение капли дня сегодняшнего в океане времени. «Перспективная точка зрения, необходимая для поэтического подхода, была найдена: этой точкой зрения была старая Москва, дух русской истории. Но эти стихи шли настолько вразрез с общим настроением тех дней, что их немыслимо было ни печатать, ни читать» [\[9, с. 43-44\]](#).

«Революция есть нарушение высшего религиозного принципа жизни, принципа органического единства» [\[10, с. 10\]](#), - писал философ С.А. Аскольдов в статье «Религиозный смысл русской революции». По его мнению, революция – это власть множественности над государственным единством, в какой бы форме оно ни выражалось. У Волошина эта множественность, «расплавливающая спайки целого», - множественность бесов. Поэт прилагает притчу из Евангелия от Луки – о бесах, вошедших в стадо свиней, - к историческим и текущим событиям, привнеся своё

толкование происходящего: «Свойство бесов – дробление и множественность, - говорит он в лекции «Россия распятая»... - Изгнанный из одного одержимого, бес становится множеством, населяет целое свиное стадо, а стадо увлекает пастухов вместе с собою в бездну» [9, с. 82]. Происходящее в России, в частности, в Петрограде, Волошин сравнивает со зловещим спиритическим сеансом, когда «в пустоту державного средоточия ринулись Распутины, Илиодоры и их присные. Импровизированный спиритический сеанс завершился в стенах Зимнего Дворца всенародным бесовским шабашем семнадцатого года...» [9, с. 47], который иллюстрируется стихотворением «Петроград»:

...Сквозь пустоту державной воли,
Когда-то собранной Петром,
Вся нежить хлынула в сей дом,
И на зияющем престоле,
Над зыбким мороком болот
Бесовский правит хоровод...
Финал этого «шабаша» предопределён:
...Те бесы шумны и быстры:
Они вошли в свиное стадо
И в бездну ринутся с горы.

Впрочем, поэт не заостряет внимания на «исходе» этой «безысходной», казалось бы, «бесовщины», не ставит вопрос об «исцелении» (хотя в стихотворении «Русь глухонемая» упоминается «меч молитв», «обрубающий» эту болезнь) – он задумывается о природе её происхождения.

10 декабря 1917 г., на другой день после написания «Петрограда», поэт создаёт стихотворение «Трихины», название которого восходит к роману Достоевского «Преступление и наказание». Там, на последней странице, описывается бред отправленного в Сибирь Раскольникова, говорится о какой-то неслыханной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. В результате все должны погибнуть, за исключением немногих избранных. Виной всему – некие трихины, микроскопические существа, вселяющиеся в людей и делающие их бесноватыми. Будучи уверенными каждый в своей «истине», люди начинают убивать друг друга в какой-то бессмысленной злобе...

Прошло пятьдесят лет, и вот «дыхание ужаса революции» привело поэта к осознанию: «Исполнилось пророчество: трихины / В тела и дух вселяются людей...» Финал романа представляется Волошину «апокалиптическим видением, в котором уже есть всё, что свершается, и много того, чему ещё суждено исполниться» [6, с. 189]. Неужели человек столь плох и в природе его заложены звериные инстинкты, страсть к убийству и разрушению? Отнюдь нет. Вслед за автором «Бесов» Волошин почувствовал, что в революционной вакханалии виновен не сам человек, что его подчиняют некие «духи». Это даже не демоны, а «духи невысокого полёта: духи-звери, духи-идиоты, духи-самозванцы, обманщики и шарлатаны» [9, с. 47]. Можно называть их трихинами, а можно

– бесами, то есть духами зла, «невидимыми врагами» человеческого рода.

По своей эмоциональной атмосфере из произведений харьковского сборника выделяется стихотворение «Мир». Под ним стоит дата: 23.XI.1917. Сам Волошин утверждал, что написал его в день открытия переговоров, т. е. – 20.I.1917г. Принято считать, что стихотворение пронизывает беспокойство поэта за возможный поворот событий, за Россию, которую поставили в унижительное положение. К тому же поэт осознавал ответственность России перед союзниками, ею отчасти вовлечёнными в войну. С горькой иронией он вспоминал о том, как в марте того же года на собрании московских литераторов В.Я. Брюсов, предлагая текст воззвания народу, говорил: «Мы должны сказать Франции, Бельгии и Англии: ...Не рассчитывайте больше на нашу помощь... потому что мы теперь должны оберегать нашу драгоценную Революцию» [9, с. 49]. Волошин утверждал, что дело тут не только в большевиках. «Тяжёлая моральная ответственность» за Брестский мир и его последствия легла, по его мнению, на всё русское общество, в том числе и на интеллигенцию, обнаружившую свою «государственную беспочвенность» [9, с. 48- 49].

Однако следует учитывать и ещё один, весьма специфический и отнюдь не бесспорный аспект данной проблемы. Вспомним концовку стихотворения:

...О, Господи, разверзни, расточи,

Пошли на нас огонь, язвы и бичи,

Германцев с запада, монгол с востока,

Отдай нас в рабство вновь и навсегда,

Чтоб искупить, смиренно и глубоко

Иудин грех до Страшного Суда!

Волошин полагал, что лобовое столкновение с Германией вряд ли могло бы привести к положительному для России итогу. Бороться с германским «Левиафаном» эффективнее не извне, а изнутри. Ведь в случае внешнего поражения России славянство, «которое окажется внутри Германской империи... больше сделает для преобразования её, чем то, которое будет отчаянно и безуспешно... бороться с нею извне» [1, с. 48]. «Разрядить» и, соответственно, «преобразить» «в течение двух-трёх поколений» германский империализм следует «тем христианским зарядом, что заложен в славянстве» (из письма А.М. Петровой от 15 января 1918г.). Несколько раньше, 9 декабря, Волошин писал: «Мне представляется вполне возможным повторение судьбы Греции и Рима: то есть полное государственное поглощение России Германией и новый государственный сплав, который даст России, славянству впоследствии пережить на тысячелетие Германию. Быть может, это и будет обетованным тысячелетним царством святых и Христа во "славе" его» [9, с. 754].

Программный характер в этой связи приобретают стихотворения: «Родина», «Ангел времён» и «Преосуществление». В первом из них утверждается,

...Что правда Славии – в смиреньи,

В непротивлении раба;

Что искус дан тебе суровый:

Благословить свои оковы;
В темнице простираясь ниц,
И части воспрять Христовой
От грешников и от блудниц...
Во втором содержится наставление:
Пойми великое предназначенье
Славянством затаённого огня:
В нём брезжит солнце завтрашнего дня
И крест его – всемирное служенье.
Двойным путём ведёт его судьба –
Она и в имени его двуглава:
Пусть SCLAVUS – раб, но Славия есть СЛАВА –
Победный нимб над головой раба!
...В крушеньях царств, в самосожженьях зла
Душа народов ширилась и крепла:
России нет – она себя сожгла,
Но Славия воссветится из пепла!

Постигая историю России в её евразийской целокупности, поэт допускал образование Славии, «славянской южной империи, в которую, вероятно, будут втянуты и балканские государства, и области южной России». Это воображаемое государство будет, по мысли Волошина, «тяготеть к Константинополю и проливам и стремиться занять место Византийской империи» [\[10, с. 85\]](#), то есть стать Третьим Римом. Отсюда – программные строки из стихотворения «Преосуществление», в котором говорится о крушении Рима,

...Когда последний свет погас
На дне молчанья и забвенья,
И древний Рим исчез во мгле
Свершилось преосуществленье
Всемирной власти на земле:
Орлиная разжалась лапа
И выпал мир. И принял Папа
Державу и престол воздвиг.
И новый Рим процвёл – велик
И необъятен, как стихия.

Так семя, дабы прорасти,

Должно истлеть...

Истлей, Россия,

И царством духа расцвести!

Вместе с тем Волошин смотрит на происходящее сквозь призму библейских истин и пророчеств. Но воспринимает их весьма специфически. Его вера в судьбу России метафорически выражена в стихотворении «Видение Иезекииля», в основе которого лежит идея кары, постигшей народ Израиля за вероотступничество и идолопоклонство, и – последующего возрождения Иерусалима к новой жизни. Исполненную того же пафоса идею поэт выявил в финале «Преступления и наказания» и выразил ещё в своей ранней статье «Пророки и мстители»: «В пророчестве Достоевского чувствуется именно эта катастрофа: новое крещение человечества огнём безумия, огнём св. Духа... У хилиастов третьего века конец мира, у Достоевского безумие, с надеждой новой эры за гранью безумия» [\[6, с. 191\]](#).

Ну а книгу «Демоны глухонемые» завершает поэма «Протопоп Аввакум». Её герой в финале поэмы провозглашает: «Родясь – погас, / Да снова разгорелся!» И вновь – надежда на возрождение, вновь – катарсис, вновь возникают ассоциации с судьбой страны. «Поруганной и нищей» России, считает Волошин, предстоит долгий и мучительный путь. Однако «Дух Истории» и «сгусток воли» выведут её судьбу на новые рубежи, помогут преодолеть разруху и террор, бесчестье и голод. В стихотворении, не входящем в состав сборника, но органически достраивающем его структуру, ощущается очистительный огонь трагедии:

Мы погибаем, не умирая,

Дух обнажаем до дна.

Дивное диво – горит, не сгорая,

Неопалимая Купина!

(«Неопалимая Купина»).

Библиография

1. Волошин М.А. Собр. соч. Т.12. Письма 1918-1924. – М.: Эллис Лак, 2013. 992 с.
2. Волошин М.А. Собр. соч. Т.11. Письма 1913-1917. – М., 2011. 832 с.
3. Мифы народов мира. Т.1. – М., 1991. 671 с.
4. Волошин М.А. Собр. соч. Т.5. – М., 2007. 345 с.
5. Волошин М.А. Собр. соч. Т.11. Кн.2. Переписка с Маргаритой Сабашниковой. 1906-1924. – М., 1915. 990 с.
6. Волошин М.А. Лики творчества. – Л.: Наука, 1988. 848 с.
7. Волошин М.А. Собр. соч. Т.9. Письма 1903-1912. – М., 2010. 785 с.
8. Волошин М.А. Собр. соч. Т.11. Кн.1. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1903-1905. – М., 2013. 458 с.
9. Волошин М.А. Россия распятая: сборник статей и стихов. – М., 1992. 248 с.
10. Из глубины: Сб. статей о русской революции. – М., 1991. 298 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Ориентир на творчество Максимилиана Волошина практически всегда связан с неким новым открытием его творческого дарования. Литературный базис статьи – это книга Волошина «Демоны глухие». Как отмечается в начале работы, «Демоны глухонемые» – глубоко личная книга, это «авторская исповедь» поэта. Волошин чувствовал свою глубинную причастность «тёмной, пьяной, окаянной», но всегда святой Руси, породившей Стеньку Разина и Лжедмитрия, а в вершителях судеб новой России видел их неотвратимых наследников», «Демоны глухонемые» – историософская книга, обобщающая исторические пути России, подводящая читателя к драматическим событиям современности, подводящая, но не охватывающая их. Картины кровавой бойни последнего года Гражданской войны в неё не вошли. При этом Волошин сделал упор на «революционные отсветы разных веков и широт», главным образом, русские и французские. Он, безусловно, создавал книгу-трагедию (если есть роман-трагедия, то трагедией может быть и книга стихов)». Целевая составляющая работы сводится к вероятностной дешифровке сложной онтологии книги М. Волошина, объективации смыслов, сформулированных автором. В работе дан достаточно удачный срез критической оценки указанного произведения, высвечены грани своеобразия реализации темы, верифицированы вопросы, тревожащие М. Волошина как философа, мыслителя. Стиль сочинения соотносится с академическим типом. Вполне удачно автор использует т.н. промежуточные связи, например, «таким образом, книга «Демоны глухонемые» оставляет ощущение незавершённости. Она как бы открыта в будущее. Делается историософский прогноз: «России нет – она себя сожгла, / Но Славия воссветится из пепла» («Ангел времён»). Выражается основной нравственный пафос: извлечь из мозгов и сердец «занозу» ненависти, «заклясть» «каждый курок и руку», или «итак, очередной виток истории проходит через «временной кадр» волошинского сборника в 1915г. («Россия»). Поэт и тогда, и впоследствии занимал позицию «над схваткой», чувствуя свою ответственность – мыслителя, художника, гуманиста – за происходящее и своё бессилие». Данный прием позволяет поддерживать внутреннюю логику развития мысли. В статье достаточно примеров / иллюстраций. Материал ориентирован как на подготовленного, так и неподготовленного читателя, многое из «сказанного» подробно комментируется: «первый раздел книги является, по сути, ретроспективным. Он представляет собой своеобразные ступени на пути развития революционных событий, начиная с первой русской революции 1905-1906 гг. Мы знаем, что поэт стал свидетелем последствий расстрела мирного шествия 9 января 1905г. По приезде в Петербург Волошин был поражён: кругом волнения, войска, а вот уже – и тела убитых «на извозчиках». Он никогда такого не видел: мёртвые мужчины, женщины, нарядно одетая девочка... Выяснилось: везут убитых с Троицкого моста. Однако и в других местах поэт сталкивался с трупами. Попадались солдатские патрули, горели газетные киоски, мчалась конная пожарная команда. Кое-где был слышен свист пуль. Он побывал в редакции газеты «Русь», послушал очевидцев», или «10 декабря 1917 г., на другой день после написания «Петрограда», поэт создаёт стихотворение «Трихины», название которого восходит к роману Достоевского «Преступление и наказание». Там, на последней странице, описывается бред отправленного в Сибирь Раскольникова, говорится о какой-то неслыханной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. В результате все должны погибнуть, за исключением немногих избранных. Виной всему –

некие трихины, микроскопические существа, вселяющиеся в людей и делающие их бесноватыми. Будучи уверенными каждый в своей «истине», люди начинают убивать друг друга в какой-то бессмысленной злобе...» и т.д. Наличного объема достаточно для раскрытия темы, считаю, что основная цель работы достигнута. Думаю, что ряд позиций, высказанных в статье можно продолжить в новых исследованиях. Настраивает на расширение смысла, например, вот этот блок: «вместе с тем Волошин смотрит на происходящее сквозь призму библейских истин и пророчеств. Но воспринимает их весьма специфически. Его вера в судьбу России метафорически выражена в стихотворении «Видение Иезекииля», в основе которого лежит идея кары, постигшей народ Израиля за вероотступничество и идолопоклонство, и – последующего возрождения Иерусалима к новой жизни». Статья безусловно имеет явные признаки научной новизны, хотя зависимость от ряд уже высказанного имеется, автор объективен в оценке волошинского текста, считаю, что вариант трактовки «Демонов глухонемых» сделан филологически верно. Общие требования издания учтены, тема работы соотносится с профилем журнала. Материал может быть полезен при изучении творчества М. Волошина, истории русской культуры XX века. Рекомендую статью «В КРУШЕНЬЯХ ЦАРСТВ, В САМОСОЖЖЕНЬЯХ ЗЛА... (за страницами книги Максимилиана Волошина «Демоны глухонемые)» к открытой публикации в журнале «Litera».